

ном объеме — по материалам фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Фресковая композиция с Алексеем Человеком Божиим, выполненная мастерами Спаса-Нередицы, рассматривалась в диссертации, открывающей собой советский период изучения древнерусской литературы,⁶ — она имеет первый порядковый номер в хронологии послеоктябрьских публикаций.⁷ С тех пор наше литературоведение к этой теме не возвращалось, и назрела необходимость привести филологические представления об Алексее Человеке Божиим в соответствие с достижениями советского искусствоведения, привлекая новейшие данные всех сопредельных дисциплин, полученные в нашей стране и за рубежом. Такой синтез методологически себя оправдал во многих советских работах и обещает полезные результаты в будущем.⁸

В стенописи Спаса-Нередицы наряду с повсеместно распространенными сюжетами есть ряд сюжетов, не имеющих аналогий и включенных, очевидно, по инициативе заказчика или составителей программы росписи. К числу таких отклонений относится композиция в конхе апсиды жертвенника, слева от алтаря. В центре конхи — погрудное изображение «Богоматери Знамения» как иконы. С каждой стороны к ней обращена молящаяся фигура в полный рост, слева — Алексей Человек Божий, справа — фигура мирянина без имени, по предположению Н. П. Кондакова изображающая заказчика.⁹ В. К. Мясоедову удалось дать более убедительную трактовку композиции. По его мнению, безымянная фигура справа представляет пономаря, к которому, по преданию, заговорил образ Богоматери в храме Эдессы, повелевая ввести в храм с паперти достойного Алексея Человека Божия, а вся композиция является изображением «известной сирийской легенды о молении св. Алексея нерукотворенному образу Богородицы в Эдессе».¹⁰ С этим согласились впоследствии Ф. Швайнфурт¹¹ и В. Н. Лазарев, указывающий, что «этот редчайший сюжет является наглядным свидетельством того, сколь многим роспись Нередицы обязана Востоку».¹²

Почему в таком случае композиция по своим стилистическим признакам оказалась в одной классификационной группе с теми фресками, которые В. К. Мясоедов называл романскими?¹³ Что следует понимать под влиянием Востока, отмеченным В. Н. Лазаревым, — самого св. Алексея

1908—1910; А. Успенский. Фрески церкви Спаса-Нередицы. — Записки Московского археологического института, т. 6, М., 1910, стр. 1—24.

⁶ В. П. Адрианова. Житие Алексея Человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917, стр. 437—453, В. П. Адрианова-Перетц. Из истории переводной литературы Киевской Руси. — Историко-филологические исследования, к 75-летию Н. И. Конрада. М., 1967, стр. 225—229.

⁷ См.: Н. Ф. Дробленкова. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. М.—Л., 1961.

⁸ См.: Д. С. Лихачев. Сравнительное изучение литературы и искусства древней Руси. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 3—10.

⁹ См.: Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. 2. Пгр., 1915, стр. 119.

¹⁰ В. К. Мясоедов, Н. П. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, стр. 14.

¹¹ См.: Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930, стр. 105.

¹² В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 33.

¹³ См.: М. И. Артамонов. Мастера Нередицы. — Новгородский исторический сборник, вып. 5, Новгород, 1939, стр. 41—44 (публикация является частью монографии, рукопись которой погибла во время блокады Ленинграда; в послевоенные годы автор к этой теме не возвращался).